

Радость служения народу

Бывают моменты, когда вдруг ярко, словно вспышкой магия, озаряется какой-то период жизни.

Как-то, перебирая старые бумаги, я наткнулся на пожелтевшую от времени справку: «Выдана Паторжинскому И. С. в том, что он является артистом передвижной концертной группы...» И сразу встал перед глазами год 1919-й, опоясанный фронтами Украина, и наш скромный агитпоезд при штабе дивизии Красной Армии.

Или еще. На улице Москвы меня останавливает хорошо одетый рослый мужчина. Удивленно гляжу на него: что-то не припомню. «Да я же на Голубовском руднике в Донбассе у вас в подготовительном классе учился, на второй парте сидел...» И вспомнил шахтерский край, где в первые годы Советской власти мне довелось учительствовать, а в свободное время руководить любительскими коллективами — хором и драматическим кружком.

А то попалась на глаза фотография: хор, которым я руководил в Екатеринославе (ныне — Днепропетровск) с 1922 по 1925 год. И вновь нахлынули воспоминания: и трогательное прощание с коллективом, насчитывавшим около 175 человек, и первые — уже в Харькове — шаги на сцене первого украинского оперного театра.

Но в эти дни, когда вся страна подводит итоги великого сорокалетия, — невольно оглядываешь всю свою жизнь, невольно раздумываешь о сделанном и еще несделанном. И невольно возникает мысль: кем бы ты был, если бы не Октябрь?

Вот я, сын типографского наборщика и полуграмотной простой женщины-труженицы, — мог бы я стать тем, кем являюсь сегодня? Депутатом парламента? — Конечно нет. Профессором? — Вряд ли. Артистом? — Возможно, но, безусловно, не народным артистом, — ведь и звание такое в дореволюционной России немислимо.

Воспитывался я в духовной семи-

нарии, и, конечно, родители были бы счастливы, если бы вышел я в попы или в учителя. Но дух в нашей духовной семинарии в те годы был не шибко «святой». Не даром из шестнадцати человек нашего выпуска священником стал лишь один. Меня же властно влекло искусство.

— Вам надо в Петроград, в консерваторию ехать, — говорила и ныне здравствующая профессор З. Н. Малютина. — Только обязательно нужен меценат...

А тут — революция. Вверх тормашками полетел старый строй. Признаться, я в те дни толком не понимал, что произошло. «Вот, думаю, и кончилась, Иван, твоя учеба». И вдруг в те страшные годы разрухи — поразительная новость: консерватория открывается у нас, в Екатеринославе! И не надо никаких меценатов!

Впрочем, события заставили меня прервать занятия. И вот — агитпоезд: теплушка с традиционной надписью «40 человек и 8 лошадей» да пудман, оклеенный нестерыми плакатами. Концерты под открытым небом. Для нас, артистов, это тоже была школа, здесь созревало наше политическое самосознание. Вращаясь в кругах интеллигенции, и я слышался о «страшных большевиках». Но вот сидят они, эти самые большевики, и затаив дыхание, слушают «Парашу-Сибирячку» (она выступала с пениями на руках и пела «капальные» песни). Потом я, одетый в красноармейскую форму, пою «Прощальное слово»:

Ну, товарищи, должны расстаться мы, —

Выпускают вас из матушки-тюрьмы.

Вам теперь на волю вольную лететь...

Пою — и вижу, как светлеют лица наших подудетых, заросших бородами слушателей, гордых тем, что рухнула «матушка-тюрьма» — царская Россия и теперь их долг — до конца постогать за волю вольную. А в заключение звучит «Интернацио-

нал» — его поют все — и, нередко, прямо с концерта уходят в бой.

В бой — за великое, правое дело Октябрьской революции, чтобы фабрики — рабочим, земля — крестьянам, мир — народам, в бой — за то, чтобы миллионы могли счастливо жить, творить, учиться. И за мою консерваторию, значит!

Спасибо вам, безвестные бойцы! Вы впервые открыли мне (да только ли мне?) глаза на великую правду народную, на гражданскую миссию искусства.

Недавно я послал своему ученику Михаилу Гречко, ныне заслуженному артисту УССР, руководителю Закарпатского народного хора, рекомендацию для вступления в Коммунистическую партию. Судьба закарпатца Михаила Гречко также озарена Октябрем: до воссоединения Закарпатья с Советской Украиной он и мечтать бы не мог о высшем музыкальном образовании. Не нужны были «меценаты» и буковинцу Дмитру Гнатюку, и вчерашнему матросу Андрею Кикотю, и всем другим, кого я учил или учу сейчас искусству пения.

И не надо мне большего счастья, чем сознание того, что мои питомцы — молодые артисты — будут не только хорошо петь, но и глубоко понимать своей высший долг: нести искусство глубочайшим массам народа — того самого, который взрастил их, дал возможность расцвета их талантам, а ныне возводит гигантские электростанции, покоряет целину, посылает в Космос искусственные спутники Земли. И сейчас, когда в нашей стране строится столько клубов и дворцов культуры, хочется верить, что не только концерты мастеров искусств, но и оперные спектакли с участием лучших артистов станут в ближайшее время обычным явлением в десятках городов и сотнях сел Советской Украины.

И. ПАТОРЖИНСКИЙ.
Депутат Верховного Совета УССР, народный артист Союза ССР.

6 НОВ 1957

Правда Украины
г. Киев